

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-4-21-29

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

<i>М.С. Каменева</i> ¹	Введение	Поступила в редакцию: 29.09.2022
	Ислам, национализм и персидский язык в период правления династии Пехлеви	Передана на рецензию: 04.10.2022
	Приоритеты интеграционной политики в ИРИ после Исламской революции 1979 г.	Получена рецензия: 25.10.2022
	Заключение	Принята в номер: 02.12.2022

Роль религиозного и языкового факторов в интеграционной политике в Иране (XX – начало XXI в.)

*Институт востоковедения РАН, Российский университет дружбы народов (РУДН);
kamenevamarina@mail.ru*

В статье анализируется роль религиозного и языкового факторов в интеграционной политике в Иране как до Исламской революции 1979 г., так и после в Исламской Республике Иран. Анализ ситуации в первый из отмеченных периодов, когда у власти в стране находилась династия Пехлеви, показывает, что в это время в истории Ирана доминировал персидский язык, причем при полном уважении господствующей в стране религии ислам. Отмечено, что после исламской революции ситуация меняется, и религиозный фактор становится главенствующим и по настоящее время, а языковой фактор (доминирование персидского языка, а не арабского), играет очень важную роль в политике национальной интеграции в современном иранском обществе.

Перенос акцента с арабского на персидский представляется вполне закономерным и разумным со стороны иранской власти, поскольку персидский язык символизирует древнюю иранскую культуру, рассматривается как второй по значимости язык исламского мира и является важным фактором суннитско-шиитского диалога.

Ключевые слова: *Иран, религия, язык, интеграция, панисламизм, национализм, панисламизм.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-4-21-29

UDC 297

Content of the article

Information about the article

<i>M.S. Kameneva</i> ²	Introduction.	Received: 29.09.2022
		Submitted for review: 04.10.2022
		Review received: 25.10.2022

¹ *Марина Самуиловна Каменева* – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент Российского университета дружбы народов (РУДН); кандидат филологических наук; orcid.org/0000-0003-3680-0301.

² *Marina Samuilovna Kameneva* – Senior Researcher, PhD Philology, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); orcid.org/0000-0003-3680-0301.

Islam, nationalism and the Persian language during the reign of the Pahlavi dynasty.
Accepted for publication: 02.12.2022
Priorities of Integration Policy in Iran after the 1979 Islamic Revolution
Conclusion.

Role of religious and language factors in the integration policy in Iran (XX – early XXI century)

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); kamenevamarina@mail.ru

The article considers the role of religious and language factors in the integration policy in Iran both before the Islamic Revolution of 1979 and in the Islamic Republic of Iran. The analysis of the situation in the former period when the Pahlavi dynasty was in power in the country shows that at that time in the history of Iran there dominated the language factor, that is, the Persian language, with full respect for Islam, the dominant religion in the country. At the same time, after the Islamic Revolution the situation changes, and the religious factor comes to the fore, which occupies the dominant position to this day. As for the language factor, it is the Persian language rather than Arabic that plays a very important, but no longer leading role in the policy of national integration in modern Iranian society. The shift of the emphasis from Arabic to Persian appears to be quite appropriate and reasonable on the part of the Iranian authorities, since the Persian language symbolizes the ancient Iranian culture; it is regarded as the second most important language of the Islamic world and is an important factor in the Sunni-Shia dialogue.

Keywords: *Iran, religion, language, integration, Pan-Iranism, nationalism, Pan-Islamism.*

Введение

Проблемы, связанные с национальной интеграцией, представляющей одно из важнейших направлений внутренней политики иранского руководства, в одинаковой степени актуальны как до исламской революции 1979 г. (во время правления династии Пехлеви), так и после в Исламской Республике Иран (ИРИ). Существенная роль иранским руководством в этом процессе отводится религиозному и языковому факторам. В каждый из намеченных выше периодов в истории современного Ирана один из этих факторов доминирует и во внутривластных процессах, и в проводимой в стране языковой политике.

Ислам, национализм и персидский язык в период правления династии Пехлеви

В начале XX в. позиции ислама в Иране были прочны. В первой Конституции страны, принятой в результате революции 1905–1911 гг., ислам был объявлен государственной религией, однако она ограничивала права духовенства. Из ее ведения была изъята судебная система, за духовенством было сохранено лишь судопроизводство по религиозным делам [ст. 6, с. 187]. С 1923 г., в процессе проведения ряда социально-экономических и культурных реформ, отражавших ориентацию на Запад, началась открытая борьба правящего режима против влияния иранского духовенства, препятствовавшего осуществлению новых преобразований. Помимо ограничения прав духовенства в области судопроизводства [с. 196–197], оно было лишено также права надзора за народным просвещением, цензурой, печатью и общественными собраниями. Эти права были переданы соответствующим

министерствам. В сфере экономики духовенство лишилось права распоряжаться вакфными землями и другой недвижимостью, переданными министерству просвещения. В области политики духовенство потеряло контроль над законодательной властью Ирана, т. к. с 1923 г. оно не могло участвовать в выборах в меджлис, проходивших под контролем военных. Длившаяся около 15 лет борьба режима Реза-шаха за ограничение прав духовенства временами принимала достаточно жесткие формы, как например события в Мешхеде в связи с обязательным снятием чадры и другими культурными реформами, которые фактически завершили период открытого сопротивления духовенства иранской власти и его переход к скрытой борьбе [7, с. 123].

Однако влияние духовенства, несмотря на репрессии, сохранялось во многих областях внутренней жизни страны. И надо сказать, что если позиции духовенства пошатнулись, то позиции исламской религии и идеологии в иранском общественном сознании оставались достаточно прочными, и они продолжали играть консолидирующую роль в государстве.

Изменения в жизни иранского общества получили отражение и в языковой области. В начале XX в. в Иране начинается процесс постепенной локализации арабского языка в сфере религиозного общения, который становится языком молитв и, частично, проповедей в мечетях, религиозной литературе, изучается в религиозных учебных заведениях – мактабах, медресе и незамийе. Параллельно идет процесс укрепления позиций персидского языка. Статус персидского языка, как, впрочем, и других языков, функционировавших на территории Ирана, не был определен Конституцией 1906 г. Вместе с тем языковая политика этого времени была связана с проводимой династией Пехлеви политикой великодержавного иранского национализма и паниранизма. Такая политическая доктрина, с одной стороны, способствовала ограничению сферы функционирования арабского языка, а с другой – в значительной степени насильственному насаждению персидского языка среди населения инонациональных окраин в качестве единственного и официального.

Национализм как идеология, утверждающая в качестве самого высокого типа исторической общности нацию, а в качестве фундамента государственности – национальное единство, в процессе исторического развития оказался несовместимым с исламом, где с самого начала была заложена идея государственности как религиозной общности. В концепциях национализма религиозная общность рассматривается наряду с общностью языковой, территориальной, экономической, культурной и т. д. и не занимает ведущих позиций [8, с. 115–116].

Составной частью политики великодержавного иранского национализма и паниранизма была политика, проводимая иранской властью по национальному вопросу. Суть ее заключалась в идее создания единой иранской нации на основе персидского этноса. При проведении политики национальной интеграции иранская власть апеллировала как к языковому, так и религиозному факторам. Встречались даже высказывания, что *шиит* означает *перс*.

Руководство Ирана, проводя политику секуляризации в различных областях общественной жизни страны, вместе с тем прекрасно понимало, какое место занимает религиозная идеология в сознании широких народных масс, в связи с чем отношение власти к духовенству носило весьма подвижный характер. Оно активно использовало ислам как дополнительный действенный инструмент в реализации национальной политики. Представители иранской власти всячески демонстрировали свою приверженность исламу, утверждали, что «дух и смысл ислама – справедливость», обосновывали все реформы, проводившиеся в последние два десятилетия перед Исламской революцией, ссылаясь на Коран, предписания ислама и другие

соответствующие документы [14, с. 80]. Так, Мохаммад Реза Пехлеви в 1956 г. совершил беспрецедентное для иранских шахов паломничество в Мекку, где исполнил весь церемониал моления.

Однако в процессе реализации политики национальной интеграции руководство страны отдавало предпочтение персидскому языку, который постепенно превратился в единственный официальный государственный язык Ирана. И это при том, что персидский язык не являлся родным и средством коммуникации для большинства жителей страны, которые отличались от господствующей нации – персов – и по другим этническим признакам. Он насильственно насаждался среди жителей национальных, неперсидских районов с целью персификации последних. Так, по имеющимся на середину 1978 г. данным, из общего числа населения, насчитывавшего немногим более 35 млн чел., персы составляли лишь 16 млн [2, с. 441]. Воздвигались преграды на пути развития национальных культур и национальных литератур, было запрещено преподавание национальных языков и обучение на них, вводились ограничения на использование национальных языков в средствах массовой информации. Исключение составляли лишь языки религиозных меньшинств [1, с. 49, 54].

Все эти мероприятия в культурно-языковой области укладывались в русло концепции, лежавшей в основе великодержавной политики династии Пехлеви, согласно которой все жители Ирана, исповедующие ислам и говорящие на таких самостоятельных языках, как курдский, азери, лурский и другие, рассматриваемых официальной пропагандой как диалекты персидского языка, принадлежат к единой иранской нации. Проводя в языковой области великодержавную политику, правящие круги Ирана стремились на деле реализовать триединую формулу «одно государство – одна нация – один язык», имея в виду «общий, то есть персидский язык». Таким образом, не умаляя значения ислама в жизни страны, руководство Ирана выдвигало на первый план языковой фактор. И это, видимо, было связано с тем, что национализм в Иране до Исламской революции 1979 г. носил светский характер.

Националистически окрашенная языковая политика иранской власти получила воплощение и в ее конкретных актах, и в пуристических кампаниях в отношении персидского языка, в которых важная роль отводилась Академии языка и литературы, просуществовавшей с 1935 по 1941 г., и Академии языка Ирана, созданной в 1970 г. и прекратившей свою деятельность с началом революционных событий в стране [5, с. 90–93].

В этом контексте представляет интерес тот факт, что, например, избирательный закон, последний вариант которого был принят в 1963 г., предусматривал, что кандидат в депутаты меджлиса должен в достаточной степени владеть персидским языком. Судопроизводство в Иране во времена правления династии Пехлеви осуществлялось только на персидском языке [7, с. 76, 111]. Что касается деятельности языковых академий, то она в целом была направлена на очищение персидского языка от иноязычных заимствований, причем имелись в виду как арабизмы, так и слова из европейских языков, в первую очередь французского и английского. Пуристические мероприятия вызывали резкий протест духовенства, которое считало, что отказ от использования арабских заимствований в персидском языке нарушает преемственность культуры. С другой стороны, сторонники пуристических кампаний считали создание «чистого» персидского языка одним из факторов усиления и укрепления националистического мировоззрения иранской нации.

Если верить данным ежегодника «Иран 1980/90», то политика иранских властей, направленная на превращение персидского языка в язык «общий» для всего

населения страны, имела определенный успех. Так, согласно приводимым ежегодником цифрам только 14,9 % жителей совсем не владеет персидским языком, а 2,9 % понимает по-персидски, но не говорит на этом языке [10, с. 16].

Таким образом, в великодержавной политике иранского руководства в XX в. до Исламской революции 1979 г., которая была нацелена на укрепление иранского общества и его интеграцию в единую нацию, решающая роль отводилась языковому фактору, но на фоне проявления уважения к исламу и понимания прочности его позиций в иранском общественном сознании.

Приоритеты интеграционной политики в ИРИ после Исламской революции 1979 г.

Исламская революция 1979 г. внесла значительные коррективы в расстановку приоритетов в интеграционной политике иранского руководства. В созданной в Иране исламской республике к управлению государством пришло мусульманское духовенство. Исламизация всех областей жизни иранского общества была законодательно закреплена в принятой в 1979 г. Конституции страны, которая вновь провозгласила официальной религией ислам, а единственным государственным официальным языком – персидский язык.

Характерной чертой интеграционной политики, проводимой пришедшим к власти мусульманским духовенством, особенно в первые годы после революции, была политика панисламизма, то есть объединения всех стран традиционного распространения ислама на базе мусульманской солидарности, в которой религиозный момент выходит на первый план и главенствует над национальным. Имеет место абсолютизация мусульманских традиций в доминирующей шиитской форме. При этом игнорируются признаки национальной общности (языковые, этнические, территориальные, экономические и другие), а на первый план выдвигается принцип единства религиозной веры. Такая позиция иранского руководства созвучна словам родоначальника панисламизма Джамаль ад-Дина аль-Афгани, что «мусульмане не знают иной истинной национальности, кроме своей религии» [8, с. 90].

Исламизм Хомейни и его единомышленников был противопоставлен национализму династии Пехлеви. Характеризуя исламизм в послереволюционном Иране, газета «Интернэйшл Геральд Трибьюн» писала, что «аятолла Хомейни, придя к власти, начал яростную кампанию, направленную на ликвидацию иранского национализма, который взращивался бывшим шахом и в основе которого лежала идея апелляции к доисламским традициям, и всячески подчеркивал тесные связи Ирана с арабскими странами» [9]. И именно в этом русле правящие круги ИРИ реализовывали свою политическую линию, выдвигая на первый план религиозный фактор и стремясь к арабизации иранского общества.

Иранская власть запретила называть новорожденных персидскими именами, заменили прежние эмблемы страны – лев и солнце – на исламский полумесяц, многие иранцы перед своей фамилией стали писать слово «сейид» и другое. Арабизация Ирана достаточно глубоко затронула культурно-языковую сферу. Прежде всего, новая Конституция ИРИ фактически законодательно поставила арабский язык как язык Корана, исламской науки и просвещения и имеющий глубокие корни в персидской литературе на второе после персидского место в иерархии языковых образований, функционирующих в стране. Конституция также определила необходимость преподавания его в средней школе по всем областям и профилям

знаний. Арабский язык, перестав ограничиваться сферой религии, постепенно начинает занимать, хотя в значительной степени искусственно, все более существенное место в жизни иранского общества.

Многие политические деятели в своих выступлениях стали активно прибегать к использованию арабской политической терминологии. Было введено обязательное изучение арабского языка в школах Ирана, по всей стране организовано преподавание арабского языка, созданы специальные учебные телевизионные передачи, курсы всеобуча на иранских предприятиях, на нем начинает издаваться пресса, во многих школах изучение английского и других европейских языков заменяется арабским, регулярно проводятся соревнования в мастерстве чтения Корана и многое другое [4, с. 177–178]. На страницах периодических изданий ведущие религиозные и политические деятели отмечали, что арабский язык – язык ислама, язык священной книги Коран и что человек, не владеющий им хотя бы в некоторой степени, не сможет понять смысл мусульманской религии.

Большой интерес в этом контексте представляют высказывания ныне покойного аятоллы Мотаххари, который неоднократно говорил о великой и непреходящей роли арабского языка в прошлом, настоящем и будущем, причем не только для Ирана, но и для всего мусульманского Востока. Он, считая персидский язык национальным языком иранцев, приводит два основных довода в пользу необходимости изучения арабского языка, прежде всего иранцами: первый – религиозный, а второй – культурологический. По его мнению, в действительности не существует ни арабской, ни персидской культуры, а есть единая исламская культура в нескольких разновидностях, в т. ч. в виде арабской и персидской культуры. Персидская культура представлена на персидском языке, и ее нельзя понять и изучить без знания арабского языка и арабской культуры [12]. Доводы, высказываемые аятоллой Мотаххари, безусловно, являются спорными, что и докажет развитие Ирана в последующие десятилетия.

Происходит процесс арабизации персидского языка, в результате чего в персидский язык проникают арабские лексические заимствования, возрождаются арабизмы, которые вышли из сферы активного употребления, арабские языковые элементы участвуют в образовании гибридных неологизмов, то есть делаются активные попытки реанимировать арабский язык и превратить его в важный фактор общественной жизни Ирана.

В первые годы после Исламской революции проблема национальной интеграции на основе персидского этноса, где важную роль играл персидский язык, была снята с повестки дня. В интеграционной политике руководства ИРИ религиозный фактор отчетливо доминирует над языковым, даже несмотря на то, что арабскому языку как существенному компоненту происходящих процессов исламизации властными структурами придается большое значение.

Вместе с тем престиж персидского языка и его ведущая роль в стране как единственного официального государственного языка Ирана сохраняются, что закреплено основным законом, он является родным не менее чем для половины населения страны, а арабский язык (в диалектной форме) – лишь для арабов провинции Хузестан. Персидский язык – это также самый древний, богатый и развитый из всех языков, функционирующих на территории современного Ирана.

Однако последующие десятилетия характеризуются изменением ситуации как внутри Ирана, так и вокруг него, происходит изменение экономической политики, расширение внешнеполитических ориентиров, что связано с окончанием ирано-

иракской войны и началом созидательного периода в истории ИРИ. Наблюдается процесс трансформации понятия «иранская культура» от «культуры исламской» к «исламско-иранской культуре» [3, с. 166–170]. Все эти обстоятельства привносят определенные изменения и в интеграционную политику иранского руководства. Религиозный фактор продолжает играть ведущую роль в этом процессе. Что же касается языкового компонента, то в этой сфере намечаются определенные трансформации.

Постепенно становится очевидным, что, несмотря на политику мусульманского руководства, направленную на внедрение арабского языка в различные сферы жизни иранского общества, он не только не смог занять место персидского языка, но даже и оказаться в равном с ним положении, хотя престиж арабского языка как языка Корана и мусульманской религии остается очень высоким. Арабский язык из-за своей чужеродности для большинства населения Ирана и недоступности для их понимания не смог, подобно персидскому, приобрести более широкие общественные функции.

Вместе с тем персидский язык начинает все больше ассоциироваться с исламом и исламской культурой и рассматриваться как инструмент распространения иранских цивилизационных ценностей в другие регионы мира. Несмотря на существование в иранском обществе различных точек зрения относительно необходимости внедрения мусульманской культуры и арабского языка в ИРИ (от крайне негативной до вполне позитивной), в иранском общественном сознании возобладал умеренный подход. Последний был представлен в одной из публикаций газеты «Эттелаат», автор которой писал: «Мы живем в стране, где долгое время проживают рядом народы, говорящие на различных языках и исповедующие разные религии. Они считают Иран своей родиной. Результатом такого сосуществования явились богатая культура и славная история. Мы иранцы, и мы мусульмане. И должны таковыми оставаться. Западофильство так же плохо, как арабофильство» [11].

Сторонники взвешенного подхода к проблеме также рассматривали персидский язык как объективную реальность, как признак иранской нации и считали необходимым укреплять его позиции в стране и развивать его языковую систему. Думается, что политика мусульманского руководства ИРИ, направленная на внедрение арабского языка в различные сферы современного иранского общества, с самого начала была в значительной степени идеологизирована и по этой причине обречена на провал, что, видимо, понимали и сторонники этой идеи. В этой связи перенос акцента с арабского языка на персидский представляется вполне закономерным.

В дальнейшем персидский язык все больше символизирует древнюю иранскую культуру, рассматривается как инструмент консолидации и интеграции народов Ирана, как важный фактор суннитско-шиитского диалога, а также как один из каналов связи с иранской диаспорой за рубежом. Его начинают постепенно рассматривать как второй по значимости язык исламского мира.

Заключение

Таким образом, если до Исламской революции в интеграционной политике иранского руководства в лице династии Пехлеви при полном уважении господствующей в стране религии доминировал языковой фактор, т. е. персидский язык, то после 1979 г. религиозный фактор выступил на первый план и занял

главенствующие позиции. Языковой фактор играет очень важную, но при этом не лидирующую роль в интеграционных процессах в современном Иране.

Литература

1. *Алиев С.М.* К национальному вопросу в современном Иране // Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 7. – С. 49–54.
2. *Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. – М.: Наука, 1981. – 880 с.
3. *Каменева М.С.* О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 164–171.
4. *Каменева М.С.* Взаимоотношения персидского и арабского языков в современном Иране // Четыре года Исламской Республики Иран. Специальный бюллетень. – М.: Наука, 1984. – С. 176–181.
5. *Каменева М.С.* Языковая политика в Исламской Республике Иран // Языковая политика в условиях глобализации. – М.: РУДН, 2017. – С. 85–124.
6. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. – М.: 1956. Конституция Ирана. Дополнение к Основному закону Ирана от 08.10.1907. Ст. 1, 72, 78, 79, 87. – С. 187–199.
7. *Миланян М.Д.* Государственный строй современного Ирана. – М.: Наука, 1973. – 125 с.
8. *Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. – М.: Наука, 1982. – 246 с.
9. International Herald Tribune. 10.10.1981.
10. Yearbook «Iran 1989/1990». – Bonn; 1990. – 315 p.
11. *Ettelaat. Tehran.* 03.06.1979.
12. *Keyhan. Tehran.* 26.11.1981, 01.12.1981, 03.12.1981, 08.12.1981.
13. *Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Fasl-e dovvom. Zaban, khatt, tarikh va parcham.* – Tehran, Ghanun, 1979. – 60 s.
14. *Pahlavi Mohammad Reza.* Enghelab-e sefid. – Paris: 1960. – 247 p.

References

1. *Aliev S.M.* National Issues of Modern Iran // Publications of the Institute of Asian Studies. 1964. № 7. – Pp. 49–54 (In Russian).
2. *Bruk S.I.* World Population. Ethno-Demographic Reference Book. – Moscow: Nauka, 1981. – 880 p. (In Russian).
3. *Kameneva M.S.* Three Cpproaches to the Concept of Culture in IRI // Iran in M. Ahmadinejad' Period. In memory of A. Arabajan. – Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2013. – Pp. 164–171. (In Russian).
4. *Kameneva M.S.* Relations Between the Persian and Arabic Languages in Modern Iran // Four Years of the Islamic Republic of Iran. Special Bulletin. – Moscow: Nauka, 1984. – Pp. 176–181. (In Russian).
5. *Kameneva M.S.* Language Policy in the Islamic Republic of Iran // Language Policy in the Context of Globalization. – Moscow: RUDN, 2017. – Pp. 85–124. (In Russian).
6. The Constitutions of the Near- and Middle-East States. – Moscow: Publishing house of foreign literature, 1956. The Constitution of Iran. Addition to Constitution of 08.10.1907. Articles 1, 72, 78, 79, 87. – Pp. 187–199. (In Russian).
7. *Milanyan M.D.* Political System of Modern Iran. – Moscow: Nauka, 1973. – 125 pp. (In Russian).

8. *Stepanyants M.T.* Muslim Concepts in Philosophy and Politics of the 19th – 20th Centuries. – Moscow: Nauka, 1982. – 246 pp. (In Russian).
9. International Herald Tribune. 10.10.1981.
10. Yearbook “Iran 1989/1990”. – Bonn: 1990. – 315 pp.
11. Ettelaat. – Tehran. 03.06.1979. (In Persian).
12. Keyhan. – Tehran. 26.11.1981, 01.12.1981, 03.12.1981, 08.12.1981. (In Persian).
13. The Constitution of the Islamic Republic of Iran. Article 2. Language, Writing, History and Flag. – Tehran: Ghanun Publishing House, 1979. – 60 pp. (In Persian).
14. *Pahlavi Mohammad Reza.* The White Revolution. – Paris: 1960. – 247 pp. (In Persian).